

Стовпець Олександр Васильович (Одеса) – кандидат філософських наук, доцент Одеського національного морського університету, докторант кафедри філософії, соціології та менеджменту соціокультурної діяльності Університету Ушинського.

ИМЯ АВТОРА И АВТОРСТВО В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСТМОДЕРНОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Для постмодернистских исследований, в частности, в нарратологии, вопрос о взаимоотношениях автора, читателя и самого произведения является немаловажным. Так, был введён специальный термин – «имплицитный автор» (англ. implied, фр. implicite – подразумеваемый) как некий образ автора, создаваемый читателем в ходе восприятия им текста. Имплицитный автор присутствует в произведении независимо от воли самого писателя и во многом определяется сознанием читателя, не совпадая тем самым с автором-физическим лицом. В нарратологии «имплицитный автор», вместе с парной коммуникативной инстанцией «имплицитным читателем», ответственен за установление и обеспечение художественной коммуникации [1]. М. Бахтин для обозначения аналогичной инстанции использует термин «внезаходимый автор» [2].

Обозначенные выше вопросы стали предметом особого внимания философов в середине 1960-х. Мнения их разнятся. Так, в 1966 году Ж. Деррида выступает с лекцией «Структура, знак и игра» [3], делая попытку деконструкции некоторых положений феноменологии и теории знака Э. Гуссерля, семиологии и структурной лингвистики Ф. де Соссюра, структурной антропологии К. Леви-Стросса, которые полагали, что в основе всех человеческих культурных практик лежат общие повторяющиеся структуры, функционирующие бессознательно, априорно.

В 1967 году Р. Барт публикует своё ключевое постструктуралистское эссе «Смерть автора» [4], в котором подвергает критике традиционную практику, когда намерения и биография автора включаются в интерпретацию текста. Вместо этого он утверждает, что написанное и создатель не имеют отношения друг к другу.

Но особый интерес представляет лекция М. Фуко «Что такое автор» [5] в Коллеж де Франс в 1969 году. Остановимся на её основных моментах несколько детальнее. Среди прочего, М. Фуко отмечает: недостаточно просто констатировать, что «автор исчез». То, что действительно следовало бы сделать, так это определить пространство, которое вследствие исчезновения автора оказывается пустым, и выследить те свободные места и функции, которые этим исчезновением обнаруживаются. Но какие же проблемы возникают в связи с употреблением имени автора? Что такое «имя автора»? И как оно функционирует?

Проблемы, встающие в связи с именем автора, оказываются, по мнению М. Фуко, весьма сложными. Он проводит некоторые любопытные сравнения, например: если бы выяснилось, что У. Шекспир не родился в доме, который сегодня посещают, то это изменение, конечно же, не нарушило бы привычного функционирования имени автора. Однако если бы было вдруг доказано, что У. Шекспир не писал сонетов, которые принимаются за его сочинения, это, разумеется, было бы изменением совсем другого рода: оно оказалось бы совсем не безразличным для функционирования имени автора. А если бы было установлено, что У. Шекспир написал «Новый Органон» Ф. Бэкона, это было бы уже таким типом изменения, которое полностью меняло бы функционирование имени автора. Стало быть, – делает вывод М. Фуко, – имя автора не есть такое же имя собственное, как все другие.

Различия эти, вероятно, связаны со следующим фактом: имя автора – это не просто элемент дискурса, такой, который может быть легко заменён местоимением. Имя автора выполняет по отношению к дискурсам определённую роль: оно обеспечивает функцию классификации; позволяет сгруппировать ряд текстов, разграничить их, исключить из их числа одни и противопоставить их другим. Кроме

того, оно выполняет приведение текстов в определённое между собой отношение. То, что ряд текстов поставили под одно имя, означает, что между ними выстраивали отношения гомогенности или преемственности, устанавливали аутентичность одних текстов через другие, либо отношение взаимного разъяснения, или сопутствующего употребления. Наконец, имя автора функционирует, чтобы характеризовать определённый способ бытия дискурса: речь, маркируемая именем того или иного автора, должна приниматься вполне определённым образом и получает в данной культуре соответствующий статус.

Далее М. Фуко делает вывод, что в цивилизации, подобной нашей, имеется некоторое число дискурсов, наделённых функцией «автор», тогда как другие её лишены. Так, частное письмо вполне может иметь *подписавшего*, но оно не имеет автора; у контракта вполне может быть *поручитель*, но у него нет автора. Анонимный текст, который читают на улице на стене, имеет своего *составителя*, но у него нет автора. Функция «автор», таким образом, характерна для способа существования, обращения и функционирования вполне определённых дискурсов внутри того или иного общества.

Как именно характеризуется дискурс, несущий функцию «автор» в культуре, станет понятнее в дальнейшем. М. Фуко полагает, что даже если рассматривать только автора книги или текста, можно распознать у него несколько различных характерных черт. Прежде всего, он говорит о том, что эти дискурсы являются *объектами присвоения*, и форма собственности, к которой они относятся – весьма своеобразна, и была узаконена она уже достаточно давно. В то же время он отмечает, что собственность эта была исторически вторичной по отношению к тому, что можно было бы назвать «уголовно наказуемой формой присвоения». Ведь у текстов, книг, дискурсов (у М. Фуко дискурсы – суждения, составленные по определённым принципам из совокупностей знаков и актов формулировки [6]) устанавливалась принадлежность действительным авторам поначалу в целях цензуры, т.е. в той мере, в какой автор мог быть наказан, независимо от того, в какой мере эти дискурсы могли быть преступающими цензуру.

В своём цикле лекций «Дискурс и истина» (1983), прочитанном в Коллеж де Франс, М. Фуко особое внимание уделяет древнегреческому понятию «парресия» (*parrhesia*, переводимое как «свободная речь», «откровенность», «правдивость», «прямота»). Он отмечает, что не любое совпадение убеждения и истины можно назвать «парресией», а лишь такое, которое сопряжено с опасностью для автора, но он всё же считает оглашение истины своим моральным долгом (хотя понимает, что исполнение этого долга неизбежно вызовет у более сильного собеседника критическое отношение к говорящему). Например, если философ обращается к правителю, к тирану и говорит ему, что его тирания неуместна и противна, потому что несовместима со справедливостью, тогда философ: 1) говорит истину, 2) убеждён в том, что говорит истину, и к тому же 3) идёт на значительный риск [6, с. 165].

Дискурс в западной культуре (и во многих других) поначалу не был продуктом, вещью, имуществом; он был по преимуществу актом, – отмечает М. Фуко, – актом, который размещался в биполярном поле священного и профанного, законного и незаконного, благоговейного и богохульного. Исторически, прежде чем стать имуществом, включённым в кругооборот собственности, дискурс был *жестом, сопряжённым с риском*. И когда для текстов был установлен режим собственности, когда были изданы законы об авторском праве, об отношениях между автором и издателем, о правах перепечатывания и другие, то есть к концу XVIII – началу XIX века, именно в этот момент возможность преступления цензуры, которая и *прежде* принадлежала акту писания (можно вспомнить Index Librorum Prohibitorum и другие списки запрещённых книг), стала всё больше принимать вид императива, свойственного сфере литературы как таковой.

Далее М. Фуко делает вывод (который в других источниках обозначается как

«дуальность копирайта»), что с того момента, как автор был помещён в систему собственности, характерной для цивилизованного общества, он компенсирует обретаемый в силу авторства статус «потенциального нарушителя цензуры», «угнетателя общественной морали» и тому подобные «опасности письма», тем, что ему гарантируются выгоды, присущие собственности (в данном случае, выгоды, проистекающие из права интеллектуальной собственности).

С другой стороны, функция «автор» не отправляется для всех дискурсов неким универсальным и постоянным образом. В истории цивилизации не всегда одни и те же тексты требовали атрибуции какому-то автору. Было время, когда, например, те тексты, которые мы сегодня назвали бы «литературными» (рассказы, легенды, эпопеи, трагедии, комедии), принимались, пускались в обращение и приобретали значимость без того, чтобы ставился вопрос об их авторе. Их анонимность не вызывала затруднений – их древность, подлинная или предполагаемая, была для них достаточной гарантией (позволим себе предположить, что здесь М. Фуко ведёт речь о фольклоре, исключённом из сферы действия «копирайта»).

Зато тексты, которые ныне мы назвали бы «научными», касающиеся космологии и неба, медицины и болезней, естественных наук или географии, в Средние Века принимались и несли ценность истины, только если они были маркированы именем автора: «Гиппократ сказал...», «Плиний рассказывает...», «Иисус говорил...» и иные подобные формулировки были не столько формулами аргументов от авторитета, сколько индикаторами, которыми маркировались дискурсы, дабы быть принятыми в качестве доказанных. *Авторитет автора* имел значение.

М. Фуко в своих лекциях [5] обращает внимание на интересный поворот в отношении к авторству в Новое Время, когда научные дискурсы стали приниматься благодаря самим себе, в анонимности установленной или всегда

заново доказываемой истины. Стала важна именно их принадлежность некоему систематическому целому, научной картине мира, а вовсе не ссылка на произведшего их индивида. Функция «автор» в её прежнем виде в эпоху Просвещения стирается, и теперь имя открывшего истину служит больше для того, чтобы «окрестить» теорему, положение, некий примечательный эффект, свойство, тело, совокупность элементов, патологический синдром и т.д.

В то же время в качестве «литературных» дискурсы, наоборот, могут быть приняты, только будучи снабжены функцией «автор»: по поводу каждого поэтического или художественного *текста* будут спрашивать теперь, откуда он взялся, кто его написал, когда, при каких обстоятельствах или в рамках какого проекта. Смысл, который ему приписывается, статус или ценность, которые за ним признаются, зависят от того, какие ответы даются теперь на эти вопросы (т.е. от контекста). И если в силу случая или явной воли автора текст доходит до нас в анонимном виде, тотчас же предпринимаются попытки поисков автора. Литературная анонимность для нас невыносима; если мы и допускаем её, то только в виде загадки. Функция «автор» в наши дни сполна применима лишь к литературным произведениям.

Далее М. Фуко задаёт резонный вопрос: с какого времени критика стала обращаться с произведениями соответственно их жанру и типу, т.е. в соответствии с присущими им вариациями вокруг некоего инварианта, которым больше уже не является индивидуальный творец? Он также замечает, что если, например, в математике ссылка на автора есть уже не более чем способ дать имя теоремам или совокупностям положений, то в биологии и медицине указание на автора и *на время его работы* играет совсем иную роль: это не просто способ указать источник, это также способ, сообщая о техниках и объектах эксперимента, которые использовались в определённую эпоху и в конкретной лаборатории, дать соответствующий индикатор «надёжности», «свежести информации».

Ещё одна выделяемая М. Фуко характеристика функции «автор» состоит в том, что авторство не образуется спонтанно, как просто атрибуция некоторого дискурса некоему индивиду. Фикция здесь заключается в том, что автору-субъекту пытаются придать статус особой реальности. Происходит это в духе таких утверждений, что в индивиду находится некая «глубинная инстанция», «творческая сила», некий «проект», «изначальное место письма». Но с таким же успехом всё то, что в индивиду обозначается как «автор» (или то, что делает некоего индивида автором), можно считать не более чем проекцией некоторой обработки, которой подвергают тексты: *сближений*, которые производят; *черт*, которые устанавливают как

существенные; *связей преемственности*, которые допускают; *исключений*, которые практикуют. Все эти операции варьируются в зависимости от эпохи и типа дискурса. «Философского автора» конструируют не так, как «поэта». И автора романного произведения в XVIII веке конструировали не так, как автора романа в наши дни. Однако поверх времени можно обнаружить некий инвариант в правилах конструирования автора.

М. Фуко также высказывает мысль, что способ, каким литературная критика в течение долгого времени определяла автора – или, скорее, конструировала форму «автор» исходя из существующих текстов и дискурсов, – что способ этот является фактически прямым производным того способа, которым христианская традиция удостоверяла (или, наоборот, отрицала) *подлинность текстов*, которыми она располагала. Другими словами, чтобы «обнаружить» автора в произведении, современная критика использует схемы, весьма близкие к христианской экзегезе (учению об истолковании библейских текстов), когда последняя хотела доказать ценность текста через «святость» его автора.

Развивая мысль, М. Фуко утверждает: *автор – это то, что позволяет объяснить как само присутствие в произведении определённых событий, так и различные их трансформации, деформации и модификации* (и это – через биографию автора, установление его индивидуальной перспективы, анализ его социальной принадлежности или классовой позиции, раскрытие его мировоззрения). Равно как *автор – это принцип некоторого единства письма* (единства семантического, стилистического, эстетического и т.д.). *Автор – это ещё и то, что позволяет преодолеть противоречия, которые могут обнаружиться в серии текстов*: ведь должна же быть – на определённом уровне его мысли или его желания, его сознания или его бессознательного – некая точка, исходя из которой противоречия разрешаются благодаря тому, что кажущиеся несовместимыми элементы наконец-то связываются друг с другом или организуются вокруг одного фундаментального, изначального противоречия. Наконец, *автор – это некоторый очаг выражения*, который равным образом обнаруживает себя в различных, более или менее завершённых формах: в произведениях, в их черновиках, в письмах, во фрагментах и т.д.

Эти четыре модальности, соответственно которым современная критика приводит в действие функцию «автор», целиком укладываются в четыре «критерия подлинности» по Святому Иерониму. В этой связи М. Фуко подмечает, что ещё в сочинении «О знаменитых мужах» (лат. «De viris illustribus», 392-393 гг., Вифлеем) Иероним Стридонский предлагал следующую методикку для установления оригинальности того или иного текста:

- 1) если среди нескольких книг, приписываемых одному автору, одна «уступает в качестве» другим, то её следует изъять из списка произведений данного автора;
- 2) если некоторые тексты находятся в доктринальном противоречии с остальными произведениями автора, их также следует изъять из списка его трудов;
- 3) нужно также исключить произведения, написанные в ином стиле, со словами и оборотами, обычно не встречающимися в том, что вышло из-под пера данного писателя;
- 4) наконец,

следует рассматривать в качестве интерполированных (добавленных позднее фрагментов) тексты, которые или относятся к событиям, происходившим уже после смерти автора, или упоминают персонажей, которые жили после его смерти [5].

Теперь пришло время подытожить вышеизложенное и (во многом на лекционных материалах М. Фуко), отвечая на вопросы «что такое автор?» и «что считать авторством?» – выделить такие возможные, но не столь очевидные интерпретации:

- автор (имя автора) – это индивидуальная метка произведения целиком или его ключевых частей, служащая как некий индикатор различия;
- автор – это некоторый постоянный уровень ценности;
- автор – это некоторое поле концептуальной или теоретической связности (семантическое единство);
- автор – как некое стилистическое единство;
- автор – это фигура, указывающая на определённый исторический момент, поэтому на автора можно посмотреть как на «точку встречи» некоторого числа событий (темпоральный аспект).

Таким образом, можно сделать вывод, что *имя автора* – важнейший и многофункциональный атрибут текста произведения, дающий, к тому же, основание для обозначения *авторства*. Последнее является, в свою очередь, ключевым понятием для определения субъекта- обладателя личных неимущественных прав в отношениях интеллектуальной собственности. Социальная философия (и теория дискурса М. Фуко) значительно расширяет границы понимания и возможности интерпретации феномена авторства и, возможно, даст один из ключей к переосмыслению интеллектуально-правовых отношений в эпоху информации и постмодерна.

Список использованной литературы

1. Корман Б. О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Проблемы истории критики и поэтики реализма. – Куйбышев, 1981. – С. 39-54.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т.; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. – Т. 3. Теория романа (1930-1961 гг.). – М.: Языки славянских культур, 2012. – 880 с.
3. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук / Жак Деррида. Письмо и различие [Writing and Difference, a collection of Jacques Derrida's essays written between 1959-1966] // пер. с фр. Д. Кралечкина. – М.: Академический проект, 2007. – 478 с.
4. Барт Р. Смерть автора / Ролан Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика // пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
5. Фуко М. Что такое автор / Мишель Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности // Работы разных лет; составление, перевод с французского, комментариев и послесловие С. Табачниковой; общая редакция А. Пузыря. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
6. Фуко М. Дискурс и истина // Логос. – 2008. – № 2 (65). – С. 159-262.